

13 ФЕВ 1988

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ ● 13 февраля

домашний собеседник

Пересуды

«Слава очень разборчива...»

Заметно, как любят ее в театре, с каким искренним уважением здороваются с ней, как вежливо и непретенциозно разговаривает с людьми она: обращается ли к журналисту, коллеге, вахтеру... Открытая, очень человеческая улыбка, вдумчивый взгляд, непринужденные жесты. Кто это?

Екатерина Максимова, лауреат Государственной премии СССР, народная артистка СССР, известная всему миру балерина.

— Мне кажется, художник, писатель — они могут какое-то время прожить без зрителя, без читателя. Это трудно, но их искусство не погибнет. Танец не удастся положить на полку или в письменный стол до лучших времен. Мы должны отдавать свое искусство сейчас же — иначе оно исчезнет. В этом смысле наше искусство специфично и специфичны наши отношения со зрителями. Их аплодисменты — это не только награда, это надежда, вдохновение и определенно рода допинг...

— Екатерина Сергеевна, неужели аплодисменты — незаменимый показатель — удачна работа или нет?

— Конечно, главным судьей является сам артист, и этот судья должен быть максимально требовательным, быть может, даже чрезмерно...

— Многие читатели нашей газеты в связи со случаями некорректного поведения иных «звезд» размышляют в письмах (их, кстати, в редакцию пришло более трех тысяч) о том, что такое «звездная болезнь». И можно ли, будучи длительное время «звездой», находясь в пике славы, не заболеть «звездной болезнью»?

— Ну, прежде всего, что такое «звездная болезнь» в моем понимании? Это, знаете ли, когда притупляется требовательность к себе, когда человек под влиянием безмерного поклонения и успеха начинает верить, что он достиг совершенства в своем

творчестве, достиг высшей точки. И что тогда остается? Движение вниз? По наклонной плоскости? Это гибель таланта. Хотя я твердо убеждена — «звездная болезнь» может поразить лишь талант не очень большой или не настоящий. Ибо настоящий талант изначально очень самокритичен.

Никогда не поверю, что человек, раз создавший талантливую вещь, а потом опустившийся до бездарщины, будет так же знаменит и вызывать интерес поклонников! Нет! Слава очень разборчива. Сегодня ты проявил свой талант во всем его блеске — сегодня ты знаменит! Это заслуженный успех — так что из этого? Завтра ты не сделал ничего, следовательно, вчерашний успех — успех лишь вчерашний.

— Так что же, слава — желанная награда или бремя для таланта?

— Вы знаете, слава — это, безусловно, вознаграждение. А поклонение? Оно не обременяет, если веришь в свое искусство и служишь ему. Очень многое зависит от окружения, ближайшего окружения. А ведь это окружение мы выбираем себе сами. Одному нужно, чтоб его боготворили, без конца превозносили, лелеяли, преклонялись. Но надо отдавать себе отчет: эти люди бросят тебя сразу, как только ты сойдешь с пьедестала или просто споткнешься. Им хочется лишь погреться в лучах чужой славы. Другие же люди (и я скорее отношу себя к последнему типу) нуждаются в друзьях, которые любят и ценят их самих, а не их славу.

— Екатерина Сергеевна, как по-вашему: если артист талантлив и получил заслуженную славу, может ли он позволить себе поступать как нравится, если даже его поведение противоречит общепринятым нормам? Имеет ли артист право на экстравагантность?..

— Думаю, что артист может пре-

тендовать на экстравагантность, как вы говорите. Но пренебрегать общепринятыми нормами морали не имеет права никто. А великий артист тем более. Ведь «звезда» — кумир многих, она — образец. В этом случае исключительно высоко должно быть требование к себе. Конечно, необходимо напряжение, чтобы не сдавать высоты.

Представьте себе, какой это несказанно тонкий и сложный инструмент — душа артиста. В ней зреет творение образов, артист постоянно поглощен этим. Даже во время сна что-то постоянно «прокручивается», отшлифовывается. Я во сне танцую. Это не оставляет меня ни на минуту. Сколько слез, трудов, отчаяния... И вот наконец вышло. Ты несешь в себе нечто, созданное тобой, хочешь раскрыть зрителю в первозданной красе, в полной силе. Нервная система обострена, весь организм на пределе. И в этот момент мелочь — тебе подадут рваный балетный тапочек... Пустяк, в сущности, в другой ситуации не обратила бы внимания, но сейчас так досадно, так обидно. Тут трудно за себя поручиться...

— А часто ли возникают ситуации, когда артист страдает от безответственности окружающих?

— К сожалению, да. У нас, как нигде, мало нормальных условий для полноценной работы артиста. С одной стороны, до бесконечности раздутый и бюрократический аппарат, управляющий искусством. Чтобы «пробить» какой-то свой замысел, сколько учреждений нужно обойти, скольким людям поклониться! Маешься и год, и два, пока свежая идея не превратится в потрепанную, пока не утратишь к ней интерес. Но это одна сторона трудностей. Существует и другая — я бы сказала, какая-то порочная психология в отношении к артистам. Это пре-

словутый миф об их красивой жизни, о том, что они купаются в цветах и славе, ездят за рубеж и зарабатывают королевские деньги. И полное непонимание, неведение того, что у них адская ежедневная работа. Примитивность представлений, конечно, от низкой культуры. Но с этим сталкиваешься довольно часто. Взять хотя бы гостиницы... Будучи на гастролях в Ленинграде, я однажды просто-напросто убежала из одной гостиницы в другую. А теперь стараюсь жить в общежитии театра, когда бываю в этом городе. Представьте, у меня спектакль кончается поздно, в гостиницу я возвращаюсь около одиннадцати часов. Мне совершенно необходимо массаж. Это не каприз, это профессиональная необходимость восстановления сил. А в гостинице порядок — никого после одиннадцати ве-

чера не пускать. Как быть с массажистом? Я обила пороги не одного учреждения. Дошла до обкома. Мне дали специальное разрешение. Что здесь началось! Каждый вечер дежурная по этажу звонила мне в номер и нарочито громко «предупреждала»: «Это номер Максимовой? Вы знаете, уже одиннадцать часов, а у вас в номере мужчина...» Я, сжав зубы и едва сдерживаясь, каждый вечер отвечала: «Посмотрите, у вас на столе лежит разрешение». «Ах да! — смирилась дежурная. — Вы же Максимова, вам можно...»

— Выходит, вполне можно простить «звезде» то, что нельзя простить обычному человеку...

— Нет, здесь я тверда: как бы ни было трудно, артист никогда и ни под каким предлогом не может быть оправдан, если он идет против общественной морали, проявляет развязность. Рассказала же я о трудностях наших артистических для того, чтоб люди понимали артиста, знали бы немножко больше, чем видно на сиюминутной сцене.

Но нельзя все же ни в коем случае забывать о том, что у общества тем больше прав и оснований требовать этого от артиста, тем это порядочнее, что ли, чем выше и культура отношения к артисту. Когда я иду со спектакля и несу драгоценные для меня, подаренные зрителями цветы, я счастлива. И так не хочу, чтоб эта сказка кончилась, чтоб брызжащий, завидующий голос воткнул шпильку в бок, из-за угла: «Конечно, она Максимова, ей все можно, у нее все не как у людей; и цветов-то не как у людей — много...» Тяжелы букеты артиста...

Вела интервью
Л. МИХАЙЛОВА.